
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.N. Sulimin
**The Risks of Russia's Joining
the Global Information
Community**

The necessity to revise the positive attitude towards the information community concept in Russia is considered. The author proves that the emergence of network power transforms the traditional view of the nature of postindustrial society as any political power seeks to be closed.

Key words and word-combinations: global information community, network totalitarianism, post-industrial era.

Рассматривается необходимость пересмотра позитивного видения концепции информационного общества в России. Доказывается, что появление сетевой власти видоизменяет традиционный взгляд на природу постиндустриального общества, так как любая власть стремится к закрытости.

Ключевые слова и словосочетания: глобальное информационное сообщество, сетевой тоталитаризм, постиндустриальная эпоха.

УДК 1:316
ББК 60.033

А.Н. Сулимин

РИСКИ ВСТУПЛЕНИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕСТВО

В настоящее время теория информационного общества достаточно популярна в социальных науках и рассматривается учеными сугубо с прогрессивистских позиций. Аполлогеты данной парадигмы Д. Белл, М. Кастельс, А. Тоффлер выделяли постиндустриальную стадию развития человеческого общества как тенденцию объединения мира на основе новых форм коммуникации. В политической науке информационное общество интерпретируется в контексте сетевого общества, в котором отношения между его участниками построены на основе горизонтальных связей и отсутствия единого центра власти. Сетевое общество воспроизводит модель партиципаторной демократии, которая позволяет сформировать более гибкие и прозрачные механизмы коммуникации между властью и обществом.

Однако не стоит воспринимать формирование сетевого общества только с прогресси-

вистских позиций. Во-первых, развитие информационных технологий значительно усилило взаимозависимость всех подсистем глобальной политической системы и привело к накоплению организационной сложности на всех уровнях человеческой деятельности. Череда твиттерных революций прошла по странам Ближнего Востока, а преступления в киберпространстве стали подрывать национальную безопасность государств и нарушать права и свободы граждан. Информатизация всех сфер человеческого общества привела к нарастанию неопределенности его будущего в целом.

Во-вторых, на смену традиционной власти, опирающейся на единый центр принятия решений, пришла неинституциональная сетевая власть. Символический капитал (П. Бурдье) становится главным атрибутом современной политической власти. Обладание информацией является реальным инструментом политического доминирования в глобальном информационном обществе. Отсюда формируется новый тип власти, гораздо менее доступный и скрытый от внешнего контроля, а в условиях транспарентности общественных отношений возникает проблема контроля над самой сетевой властью, находящейся за рамками каких-либо национальных институтов. Феномен манипулирования политическими процессами с помощью информационных сетей получил название нетократии [1]. По мнению И. Солонько, власть «сетевых кураторов» возрастает благодаря способности их адаптации в быстроизменяющемся мире [2, с. 204].

Сетевая власть несет в себе как экономическое начало, так и собственно политическое, поскольку информация концентрирует в себе все ресурсы власти, необходимые для ее превалирования в обществе. Информация создает «свободный рынок», подстегивая рост активов его субъектов, она же способствует их падению во время экономических кризисов. Политические технологии, манипулируя информацией, способны как повышать уровень легитимности власти, так и делегитимизировать ее устои. Поэтому, как никогда, становится актуальным тезис, что политика – это явление сознания, отсюда разное ее восприятие через манипуляцию информационными потоками.

Такое понимание сетевой власти не делает ее полностью абстрактным недетерминируемым феноменом, ввиду того что современные сетевые площадки привязаны к мощностям вычислительной техники и создаются конкретными государственными или негосударственными институтами. В этом смысле информация может быть использована в конкретных институциональных интересах.

Наиболее эффективной с точки зрения управления большими массами людей становится новая концепция государственного управления – электронное правительство (e-Government). По мнению ее создателей, данная информационная система позволяет сократить транзакционные издержки в результате взаимодействия общества и государства [3, с. 4–5]. Создание данной концепции и самой информационной системы отнюдь не является неким объективным феноменом, характеризующим тенденцию к открытости органов государственной власти. Так, согласно Плану действий по построению глобального информационного общества, принятому на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам глобального информационного общества в Женеве, в каждой стране мира создается электронное правительство, построенное по единым между-

народным стандартам на единой информационной и программной платформе [4]. Как предполагается, со временем электронные правительства всех стран сольются в единую систему и окончательно утратят свой смысл такие понятия, как «государственный суверенитет» и «национальная безопасность». Таким образом, негосударственный уровень принятия решений позволяет направить технологии сетевой власти в конкретное русло, не спрашивая, нужно ли государствам и народам такое будущее. По-видимому, данный тип принятия решений отражает узкокорпоративный сговор глобального управляющего класса, отсутствие каких-либо демократических процедур как на наднациональном, так и на национальном уровне.

В России еще в 1999 г. принята Концепция формирования информационного общества. В тексте Концепции утверждается, что процесс информатизации имеет глобальный характер и вхождение в информационное сообщество для нашей страны неизбежно [5]. Так ли это на самом деле? И кто определяет эту неизбежность? Однако далее по тексту документа видно, что главной целью внедряемого информационного общества является снижение роли государства как социально-политической реальности: «На начальном этапе создания социально значимых информационно-коммуникативных систем и комплексов (в сферах трудоустройства, образования, здравоохранения, социального обеспечения и других) государство берет на себя основные расходы, но в дальнейшем уходит с рынка. При этом предполагается, что значительные финансовые ресурсы будут поступать от населения в виде оплаты предоставляемых информационных и коммуникационных услуг...» [5]. Таким образом, в Концепции, по сути, провозглашается переход от государства к частной корпорации, когда ответственность и обязанность государства, а также конституционные права граждан превратятся в рынок платных услуг.

Главные принципы этой Концепции закреплены спустя 10 лет в Федеральном законе «Об общих принципах организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [6]. По этому Закону отношения граждан и государства были переведены исключительно в электронную форму на платной основе. Основными посредниками между государством и обществом стали коммерческие учреждения, многофункциональные центры (МФЦ), которые впоследствии должны занять место государства. Закон обязывает гражданина выбрать банк, который будет оказывать услуги через электронное банковское приложение. Данный Закон напрямую нарушает нормы Конституции РФ, в которой ничего не говорится о государственных платных услугах. Кроме того, попираются принципы социального государства, например право равного для всех доступа к социальным благам. По Закону государственная услуга может быть оказана *только в электронной форме*, однако не все граждане имеют доступ к Интернету. В результате, например, малочисленные коренные народы Севера из-за своего образа жизни вообще лишаются каких-либо социальных благ. Данный феномен, по мнению социологов, получил название цифрового неравенства [7].

В 2010 г. в рамках международных обязательств Россия утвердила государственную программу «Информационное общество (2011–2020)», согласно ко-

торой численность граждан, получающих государственные услуги в электронном виде, к 2020 г. должно достигнуть 70%, а финансирование данной программы составит около 500 млрд рублей ежегодно [8], что значительно превосходит финансирование многих социальных программ.

Проблемой интеграции в глобальное информационное сообщество является защита и использование персональной информации. В 2005 г. Россия ратифицировала Конвенцию Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» [9]. На базе этой конвенции в 2006 г. принят Федеральный закон «О персональных данных» [10], по которому операторы (государственные и негосударственные учреждения), предоставляющие услуги, имеют право хранить, распространять информацию о гражданине в течение 75 лет. Следовательно, персональные данные о каждом гражданине попадают в информационную сеть, где они не защищены. Поэтому сегодня существует рынок платных услуг, на котором можно купить персональную информацию практически о любом человеке.

Эффективным инструментом контроля над российским обществом со стороны наднациональных институтов является внедрение универсальной электронной карты (УЭК). С 2010 г. в Москве действует коммерческая организация ОАО «Универсальная электронная карта», обладающая правом решения о содержании, объеме и целях сбора персональных данных и информации, а также правом распоряжения ей [11].

Универсальная электронная карта будет содержать полные сведения о человеке: здоровье, семье, собственности, получаемых выплатах, налогах, совершенных сделках, передвижениях и т.д. Обладание данным устройством станет обязательным для каждого гражданина России, а значит, может быть обеспечен контроль как за обычными людьми, так и за представителями власти.

Помимо внедрения переносной электронной карты, содержащей всю информацию о ее пользователе, существует проект интеграции электронных устройств с человеческим организмом. Согласно материалам малоизвестной Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 г. должна быть выстроена постоянная связь каждого индивидуума с информационно-управляющими сетями: «Нанoeлектроника будет интегрироваться с биообъектами и обеспечивать непрерывный контроль за поддержанием их жизнеспособности, улучшением качества жизни и таким образом снижать расходы государства» [12]. Из этого следует, что за счет прямого доступа к сознанию человека процесс биороботизации, прописанный в этой Стратегии, позволит сетевой власти навязывать необходимые потребительские стандарты, именуемые «качеством жизни». Насколько могут быть демократичными такие технологии?

Юрист, почетный адвокат России О.А. Яковлева замечает, что в этой ситуации «люди рассматриваются в качестве элементов (узлов) компьютерной системы, каждый из которых однозначно обозначен своим уникальным в мире идентификационным номером (личным кодом)» [13, с. 176]. В результате выстраивается система, впервые примененная в фашистских концлагерях, что противоречит не только закону, но и нормам нравственности.

В Государственной Думе сегодня осознают угрозы, сопровождающие вступление России в информационное сообщество. 7 октября 2013 г. в Государствен-

ной Думе прошел круглый стол на тему: «Законодательное обеспечение защиты конституционных прав граждан от информационного и электронного рабства». Однако высказанные на нем опасения и замечания не смогли остановить реализацию концепции информационного общества в России, так как пока никто еще не отменял необходимость реализации наднациональных интересов на российском уровне политики.

Таким образом, виртуализация политического процесса, формирование сетевой формы взаимоотношений между его участниками может нести в себе определенные риски сетевого тоталитаризма. Данные угрозы возрастают в рамках трансформации традиционных форм коммуникации между властью и обществом исключительно в электронный вид. Передача тех или иных форм властной ответственности в сетевую структуру, формирующуюся по законам рынка, ведет к подмене государственного интереса корпоративным. Подобный властный феномен в отличие традиционных тоталитарных политических систем гораздо менее заметен и практически неподконтролен обществу, а также любому национальному государству. Возрастает не только угроза манипуляции общественным сознанием, вплоть до установления биохимического контроля над поведением человека, но и риск окончательной утраты реальных демократических процедур, гарантом которых является государство.

Учитывая российский опыт внедрения многих программ развития информационного общества, можно сделать вывод о необходимости критического пересмотра целого ряда их положений. Обострение противостояния России и Запада в результате событий на Украине показало, что России требуется не только своя платежная система, но и в целом развитие национальных информационных систем.

Библиографический список

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб., 2004.
2. Солонько И.В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. М., 2011.
3. Малитиков Е.М. Электронное правительство – цивилизационная неизбежность // Федер. газ. 2009. № 1.
4. Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии // Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12 дек. 2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/wsis_dec.pdf
5. Концепция формирования информационного общества в России: одобр. решением Гос. комиссии по информатизации при Гос. комитете РФ по связи и информатизации от 28 мая 1999 г. № 32. URL: <http://www.iis.ru/library/triss/>
6. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Рос. газ. 2010. 30 июля.
7. Быков И.А., Халл Т.Э. Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей в России // Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–164.
8. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы): распоряжение Правительства РФ от 20 окт. 2010 г. № 1815-р // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2010/11/16/infobshchestvo-site-dok.html>
9. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: Федер. закон от 19 дек. 2005 г. № 160-ФЗ // Рос. газ. 2005. 22 дек.

10. О персональных данных: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Рос. газ. 2006. 29 июля.
11. Об определении организации по предоставлению государственных и муниципальных услуг с использованием универсальной электронной карты: распоряжение Правительства РФ от 12 авг. 2010 г. № 1344-р // СЗ РФ. 2010. № 33. Ст. 4460.
12. Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года: приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 7 авг. 2007 г. № 311 // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/91853/>
13. Яковлева О.А. Новые технологии и права человека. Рязань, 2012.

T.A. Bogorubova, L.V. Saenko
Modern Problems
of Modernization of the Legal
Regulation of Family Relations
in the Post-Soviet Space

Problems of family relations legal regulation are considered in the light of norms of family and demographic policy. Marriage is seen as the basis of creation of modern family. As a result of the comparative analysis of family codes of Belarus, Kazakhstan and Ukraine, author's definition of the legal concept of marriage and recommendations for its use in the updated family legislation of the Russian Federation are given.

Key words and word-combinations: family, marriage, family legislation, post-Soviet space.

Анализируются проблемы правового регулирования семейных отношений в ракурсе норм семейной и демографической политики. Брак рассматривается в качестве основания создания современной семьи. В результате сравнительного анализа семейных кодексов Беларуси, Казахстана и Украины дается авторское определение правового понятия брака и рекомендации его использования в обновленном семейном законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: семья, брак, семейное законодательство, постсоветское пространство.

УДК 347.61/.64
ББК 67.404.5

Т.А. Богорубова, Л.В. Саенко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Модернизация общественных процессов в частноправовой сфере в настоящий момент обращает на себя особое внимание. Наглядным примером тому служит бурное обсуждение ученым сообществом коренных изменений гражданского законодательства Российской Федерации. В последние годы и в семейном праве активизировалась полемика о необходимости совершенствования нормативного регулирования семейных отношений.

С учетом складывающейся ситуации в мире укрепление авторитета и поддержка института семьи становится одним из важнейших социальных и правовых вопросов, который стоит на повестке дня многих государств. В связи с глобальными изменениями в обществе в семейных правоотношениях произошли значительные преобразо-